

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО СИМВОЛИЗМА

В начале XX в. в трудах Вяч. Иванова, П.А. Флоренского (представителей философского крыла русского символизма) сформировалась оригинальная культурологическая концепция, в рамках которой по-новому осмысляются соотношения понятий «религия» и «культура».

Духовная атмосфера эпохи породила особый тип мышления («символистскую чувствительность»), для которого характерны отход от позитивистского типа рациональности, сочетание интуитивного познания с научными методами, мистическая интерпретация духовной жизни человека, что в свою очередь стало почвой для формирования символистской концепции культуры.

Базой для культурологических построений представителей русского философского символизма является переоценка взаимоотношений понятий «культура» и «религия». Сфера религии признается шире сферы культуры: «... жить в Боге значит уже не жить всецело в относительной человеческой культуре, но некую часть существа вырастать из нее наружу, на волю. Жизнь в Боге – воистину жизнь, т.е. движение; это духовное возрастание, лестница небесная, нагорный путь» [1, с. 118].

Исходным тезисом стал тезис о прорезывании культуры из-под покрова культуры: «... большинство культур, сообразно своей этимологии (cultura есть то, что имеет развиваться из cultus), было именно прорастанием зерна религии, горчичным деревом, разросшимся из семени веры» [3, с. 549]. На основе этого утверждения возникает понятийная связка «вера – культ – миропонимание – культура». Культ, как основа культуры, постигается сверху вниз, в то время как рассматриваемый снизу вверх, он есть лишь пример культурной деятельности (таковы предметы, обслуживающие культ). Именно религия сообщает смысл культурной деятельности. Таким примером служит для П.А. Флоренского жизнь и деятельность Сергея Радонежского и всей Троице-Сергиевой Лавры.

Смысл культурной деятельности, по убеждению П. Флоренского и Вяч. Иванова, упирается в проблему ценности. Русские мыслители исходили из признания абсолютных ценностей, внутри которых есть то, что имеет объективное и вневременное значение: «Всякая культура представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т.е. служит некоторому предмету веры» [2, с. 39]. По мысли П.А. Флоренского, первоначала культуры имеют в своем основании два принципа: принцип абсолютности Божественной и абсолютной духовной ценности мира, которые предполагают воплощаемую ценность

и пластичность жизни, ценной в своем ожидании ценности, как глины, послушной ваятелю: «... если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать, и, следовательно, невозможно само понятие культуры; если жизнь как среда, насквозь чужда божественности, то она не способна принять в себя, воплотить в себе творческую форму, и следовательно, снова уничтожается понятие культуры» [2, с. 357].

Исходя из признания абсолютных ценностей, Вяч. Иванов выделяет три типа отношения к культуре: *релятивистский*, *аскетический* и *символический*. Первый знаменует отказ от религиозного обоснования культуры как системы относительных ценностей, второй, обнажая нравственную и религиозную основу культурного делания, содержит в себе отказ от всех культурных ценностей производного, условного или иррационального порядка, рассматривается как попытка подчинить творчество моральному утилитаризму. Этот тип зиждется на механическом представлении о природе, на неверии в мировую душу. Третий тип – символический, путь освобождения мировой души, на котором преемственными усилиями поколений культура превращается в «соподчиненную символику духовных ценностей, соотносительно иерархиям мира божественного». Он – залог будущего культуры – «преображение культуры – и с нею природы – в Церковь мистическую, его принцип совпадает с принципом теургическим. Третий тип «утверждает иконопочитание: культура для него есть творимая икона софийного мира извечных первообразов» [1, с. 280]. Ценность, таким образом, есть плод духовной (а значит, культурной) деятельности человечества.

Культуру начала XX в. Вяч. Иванов характеризует как эпоху кризиса индивидуализма, преобладания «критического» начала над «органическим», что стало итогом забвения человечеством своей изначальной вселенской целостности и отпадения от религиозных основ жизни. Подобная духовная ситуация порождает чувство неуверенности, растерянности, потерю внутренних оснований. Ослабление веры в Бога сопровождается утратой чувства внутренней личности, что приводит к самолюбивой уязвимости, душевному подполью, унынию и роковому самообману самоубийства.

Будущее культуры Вяч. Иванов видит в восстановлении утраченного духовного единства, в преодолении кризиса индивидуализма на путях религиозно понимаемой соборности. Определение понятия «соборность» Вяч. Иванов дает по контрасту с понятием «легион»: «Если легион есть организация обезличенных, специализированных личностей, кооперация функций», то идеал соборности есть, напротив, «идеал такого соединения, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной и неповторимой сущности, своей цепкоупной творческой свободы» [1, с. 100]. Соборность – не только верховная ступень человеческого общежития, но и главным образом духовное единение и «собранный дух». Человек, вовлеченный в состояние соборности, перестает быть индивидуалистом.

Гарантом возможности соборного возрождения человечества служит закон культурной памяти, которая обнаруживает наличие «души истины» в культуре. На действии этого закона зиждется «общая культура» (то, что относится к большим циклам всемирной истории), представляющая собой эманацию культурной памяти, которая, в свою очередь, является выражением религиозной идеи, образующей ее ядро. Религия, в частности христианство, возрождает онтологическую память цивилизаций.

В культурологии русских символистов память – не омертвевшее, застывшее, а динамическое начало. Она дает импульсы будущего развития, которые идут через прошлое: «Культура обратится в культ Бога и Земли. Но это будет чудом Памяти – Перво-Памяти человечества <...> в культуре есть сокровенное движение, влекущее нас к первоистокам жизни. Будет эпоха великого, все постигающего возврата» [1, с. 132]. Этот возврат мыслится символистами, прежде всего, как возврат к религиозным основам культуры. Символисты выражают уверенность в том, что «ни один шаг по лестнице духовного восхождения невозможен без шага вниз, по ступеням, ведущим в ее подземные сокровища: *чем выше ветви, тем глубже корни*» [1, с. 119].

Культурное пространство в концепции русских символистов иерархично. В нем выделяются «верх» и «низ». В рамках символической картины мира культура – дерево, уходящее корнями в архетипические представления, а кроной – в сферу софийной памяти. В целом культурологическая концепция символистов строится на противопоставлении вертикали и горизонтали человеческого бытия.

Литература

1. Иванов В.И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачева. – М.: Республика, 1994.
2. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – Т. 1. – М.: Мысль, 1994.
3. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996.